

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Сараев Самандар

Магистр университета мировой экономики и дипломатии

E-mail: Samansarayev5@gmail.com

Tel: +998935773838

<https://doi.org/10.5281/zenodo.16958278>

Аннотация: Культурная дипломатия в Центральной Азии стала важным инструментом укрепления национальной идентичности, региональной интеграции и международного имиджа. В исследовании показаны этапы её развития: от утверждения символов в 1990-е годы до институционализации в рамках СНГ, ШОС и ТЮРКСОЙ, а также цифровой трансформации последних лет. Выделены основные проблемы — конкуренция за наследие, языковые различия и внешнее влияние, а также возможности через общие культурные символы и международные организации.

Ключевые слова: Центральная Азия, культурная дипломатия, национальная идентичность, региональное сотрудничество, мягкая сила, международные организации, интеграция.

MARKAZIY OSIYODA MADANIY DIPLOMATIYA BO'YICHA MINTAQAVIY HAMKORLIK: MUAMMOLAR VA IMKONIYATLAR

Annotatsiya: Markaziy Osiyoda madaniy diplomatiya milliy identitetni mustahkamlash, mintaqaviy integratsiya va xalqaro imijni shakllantirish vositasiga aylandi. Tadqiqotda 1990-yillardan boshlab bosqichma-bosqich rivojlanish, xalqaro tashkilotlar doirasidagi hamkorlik va raqamli o'zgarishlar yoritilgan. Asosiy muammolar sifatida tarixiy meros bo'yicha raqobat, til tafovutlari va tashqi bosimlar qayd etilib, Navro'z va Ipak yo'li kabi umumiy timsollar asosidagi imkoniyatlar ko'rsatib o'tilgan.

Kalit so'zlar: Markaziy Osiyo, madaniy diplomatiya, milliy identitet, mintaqaviy hamkorlik, yumshoq kuch, xalqaro tashkilotlar, integratsiya.

Введение

В государствах Центральной Азии после обретения независимости культурная дипломатия превратилась в один из ключевых инструментов формирования национальной идентичности и укрепления международного имиджа¹. С первых лет независимости культурные проекты стали неотъемлемой частью политики легитимации власти: в Узбекистане особое внимание уделялось фигуре Амира Темура, в Казахстане — идее «Великой степи» и творческому наследию Абая Кунанбаева². Эти символы служили не только средством консолидации общества, но и внешнеполитическим ресурсом, позволяющим позиционировать новые государства как носителей уникального историко-культурного наследия. Одновременно с этим происходило оформление многосторонних площадок сотрудничества: в рамках СНГ,

¹ Marat, E. Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1123–1136. 2009.

² Chang, X., & Bo, Y. The strategy of the state cultural policy in Kazakhstan: evolution, implementation, and efficiency. *Voprosy Istorii*, 2023. <https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202312statyi51>

ШОС, ТЮРКСОЙ, ОИК активно развивались культурные программы, ориентированные на поддержку общей цивилизационной памяти и укрепление региональной солидарности.

Актуальность исследования определяется тем, что культурная дипломатия в условиях Центральной Азии выполняет двоякую функцию. С одной стороны, она способствует внутренней консолидации и укреплению национальной государственности. С другой стороны, она становится средством «мягкой силы», направленным на формирование привлекательного образа региона во внешней среде, привлечение инвестиций и развитие туризма. Таким образом, культурная дипломатия выступает как связующее звено между политикой идентичности, экономической модернизацией и международной интеграцией.

Однако практика культурного взаимодействия сталкивается с рядом серьезных препятствий. Прежде всего это конкуренция вокруг исторических фигур и культурного наследия. Так, наследие Алишера Навои по-разному интерпретируется в Узбекистане и Таджикистане, что порождает споры о «праве собственности» на культурные символы³. Аналогичная ситуация складывается вокруг образов Джалолиддина Мангуберди или Бабура. Вторым важным фактором выступает языковая политика: дерусификация, переход на латиницу и стремление к языковому пуризму создают барьеры для межгосударственного общения⁴. Третьим источником напряженности являются приграничные и водные споры (например, в Ферганской долине), которые негативно влияют на атмосферу доверия между странами⁵. Наконец, значительное влияние оказывают внешние акторы — Россия, Китай, Турция и Иран, каждый из которых продвигает собственные культурные стратегии, формируя в регионе параллельные и нередко конкурирующие нарративы⁶.

Цель диссертационного исследования — анализ процессов становления и развития культурной дипломатии в Центральной Азии, выявление её институциональных механизмов, практических форм, основных препятствий и возможностей для углубления региональной интеграции. Объект исследования — процессы регионального культурного взаимодействия; предмет — институциональные механизмы, роль государственных и негосударственных акторов, а также дискурсивные практики в сфере культурной дипломатии.

Методологическая база исследования опирается на классические и современные теории международных отношений: реализм (интересы и сила), либерализм (взаимозависимость и нормы), конструктивизм (идентичность и социальные практики), концепцию «мягкой силы» Дж. Ная⁷, теорию культурной гегемонии А.

³ Fierman, W. Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1207–1228. 2009.

⁴ Edgina, G., Djumabekov, D., Zueva, L., Dosova, B., & Kozina, V. Language Policy in Kazakhstan in the Context of World Practice. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*, 17. 2023. <https://doi.org/10.2478/jnmlp-2023-0004>

⁵ Karasik, S. Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy. *Vermont Journal of Environmental Law*, 18, 400–432. 2017.

⁶ Niemiec, J. M. Preserving Common Ties: Turkey's Public Diplomacy in Central Asia. *Annales UMCS*, Vol. 9, 241–262. 2024.

⁷ Papaioannou, K. Cultural diplomacy in international relations. *IJASOS*, 3, 942–944. 2017. <https://doi.org/10.18769/IJASOS.367306>

Грамши, глобализационные подходы А. Аппадуря, а также на методы Actor-Network Theory (ANT), позволяющие рассматривать культурную дипломатию как результат взаимодействия различных акторов — государственных органов, международных культурных центров (Британский Совет, Гёте-институт, Институт Юнуса Эмре), НПО, университетов, диаспор, художников и цифровых платформ⁸.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что культурная дипломатия способна стать фактором региональной интеграции при условии транснациональной интерпретации общего наследия и активного вовлечения новых акторов — диаспоры, молодёжи и цифровых сообществ. Особое значение приобретает развитие цифровой дипломатии, особенно после пандемии COVID-19, когда онлайн-выставки, виртуальные фестивали и цифровые архивы стали основным каналом продвижения культурного наследия.

Практическая значимость работы заключается в том, что её выводы и рекомендации могут быть использованы министерствами культуры, внешнеполитическими ведомствами и профильными институтами для разработки совместных программ, согласования языковой политики, подготовки трансграничных номинаций в списки ЮНЕСКО, институционализации цифровой дипломатии и выработки стратегий взаимодействия с диаспорой⁹. Структура диссертации включает введение, три главы (теоретические основы, практика и проблемы, возможности и стратегические подходы), заключение с рекомендациями и список литературы.

Основная часть

Культурная дипломатия в Центральной Азии после распада СССР прошла несколько этапов развития, отражающих внутренние и внешнеполитические трансформации государств региона. В 1990-е годы ключевой задачей стало формирование национальной идентичности и символической легитимации новых государств. В Узбекистане центральное место занял образ Амира Темура: его культ активно использовался в официальной идеологии, а 1996 год был объявлен «годом Амира Темура», что сопровождалось масштабными памятным мероприятиями и созданием Государственного музея Темуридов в Ташкенте. Казахстан в этот же период сосредоточился на фигуре Абая Кунанбаева и концепте «Великой степи», что позволило утвердить культурные маркеры национальной самобытности в условиях многоэтничного общества¹⁰. Важную роль играла также языковая политика: в Узбекистане и Туркменистане начался переход на латиницу, в Казахстане — политика «казахизации», направленная на усиление роли государственного языка. Эти процессы свидетельствуют о том, что культура рассматривалась как стратегический ресурс национализации и дистанцирования от советского прошлого.

В начале 2000-х годов культурная дипломатия приобрела институциональные формы и вышла за рамки национальных границ. Казахстан запустил государственную программу «Мәдени мұра» (2004), которая включала археологические исследования,

⁸ Yunus Emre Institute. The Role of Yunus Emre Institutes in the Educational and Cultural Diplomacy of Turkey. Turkish Online Journal of Educational Technology, 23(3), 140–150. 2024.

⁹ UNESCO. Silk Roads World Heritage Serial and Transnational Nomination in Central Asia. <https://whc.unesco.org/en/activities/870>

¹⁰ Olcott, M. B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington D.C.: Carnegie Endowment, 2002. p. 37.

публикацию сотен томов национальной литературы и реставрацию памятников культуры¹¹. Эта программа стала примером системной культурной политики, направленной как на внутреннее самоутверждение, так и на международное признание, включая активное взаимодействие с ЮНЕСКО. Узбекистан и Казахстан в этот же период начали активно проводить двусторонние культурные мероприятия, включая «дни культуры», совместные выставки и фестивали. Одновременно Шанхайская организация сотрудничества и СНГ закрепили культурное измерение в своих институтах, сделав культурный обмен частью официальной повестки сотрудничества.

Знаковым событием стало включение Навруза в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО в 2009 году. Этот шаг подчеркнул роль общих традиций как символов регионального единства. В 2010-е годы культурная дипломатия Центральной Азии всё активнее стала использоваться для глобального позиционирования. Узбекистан организовывал международные выставки, посвящённые Самарканду и Бухаре, в Париже и Берлине, сотрудничая с ЮНЕСКО и Лувром¹². Казахстан развивал культурное измерение через участие в международных экспо, а Туркменистан использовал символ ахалтекинского коня как главный элемент своего имиджа на мировой арене.

С 2016 года культурная дипломатия приобрела новое дыхание. В Узбекистане усилилось внимание к культурному сотрудничеству в рамках открытости во внешней политике, были активизированы контакты с международными культурными центрами. Казахстан в это же время сделал акцент на «Рухани Жаңғыру» («Духовное обновление»), программа которой включала проекты по сохранению исторической памяти и продвижению культурных ценностей в глобальном контексте. Кыргызстан и Таджикистан акцентировали внимание на эпосе «Манас» и фигуре Исмоили Сомони как основах национальных нарративов, при этом стараясь продвигать их через международные культурные форматы.

Важным вызовом для культурной дипломатии остаются споры вокруг наследия исторических личностей, которые интерпретируются в разных странах по-разному. Так, фигура Навои может восприниматься как общий культурный символ, но при этом вызывать конкуренцию между Узбекистаном и Таджикистаном. Различия в языковой политике также создают дополнительные барьеры: одни страны перешли на латиницу, другие сохранили кириллицу¹³. Нерешённые приграничные и водные споры усиливают взаимное недоверие и ограничивают пространство для сотрудничества. Дополнительным фактором является культурная политика внешних акторов: Россия продвигает русский язык и православное наследие через Россотрудничество, Турция расширяет своё влияние через Институт Юнуса Эмре, Китай использует культурные проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а Иран апеллирует к исламскому и персидскому культурному наследию. Всё это формирует поле конкурирующих

¹¹ Melich, J., & Adibayeva, A. Nation-Building and Cultural Policy in Kazakhstan. 2014.

¹² Fierman, W. A Comparative Examination of Language Ecology and Language Policy in Post-Soviet Central Asia. Al-Farabi, 2021.

¹³ Iztelevova, E. Foreign Policy of Uzbekistan and Kazakhstan: Main Directions and Achievements. Journal of International Relations and Regional Studies, 2023.

нарративов и требует от государств Центральной Азии тонкого дипломатического баланса.

Несмотря на эти вызовы, культурная дипломатия региона демонстрирует устойчивый потенциал. Общие символы вроде Навруза и Шёлкового пути могут служить инструментом формирования общей идентичности, а международные организации, такие как ЮНЕСКО, ШОС, ТЮРКСОЙ и Организация тюркских государств, предоставляют институциональные механизмы для реализации совместных инициатив. Пандемия COVID-19 показала новые возможности для цифровой дипломатии: мероприятия переносились в онлайн-формат, создавались виртуальные выставки и фестивали, что открывает перспективы для дальнейшего расширения аудитории и вовлечения молодёжи. Таким образом, культурная дипломатия в Центральной Азии является не только инструментом имиджевой политики, но и важным каналом региональной интеграции, основанной на сочетании национальных интересов и общих культурных ценностей.

Заключение и рекомендации

Культурная дипломатия в Центральной Азии в постсоветский период стала одним из ключевых инструментов как внутреннего строительства, так и международного позиционирования всех пяти республик региона — Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. За три десятилетия она прошла несколько этапов: от утверждения национальной идентичности в 1990-е годы до институционализации культурного сотрудничества в 2000-е, от глобального брендинга в 2010-е до цифровой трансформации и расширения акторного состава в последние годы.

Ключевой результат заключается в том, что культура была превращена в универсальный ресурс. В 1990-е годы каждое государство выбрало собственные символы для легитимации суверенитета: в Узбекистане — фигура Амира Темура, в Казахстане — Абая и «Великой степи», в Таджикистане — Исмоили Сомони, в Кыргызстане — эпос «Манас», а в Туркменистане — образ ахалтекинського коня и древних оазисов. В 2000-е годы культурная дипломатия вышла на региональный и международный уровень через программы типа «Мәдени мұра» в Казахстане, проведение двусторонних «дней культуры», а также участие всех стран региона в форматах СНГ, ШОС, ТЮРКСОЙ и ОИК. Важным объединяющим символом стал Навруз, который в 2009 году был признан ЮНЕСКО нематериальным наследием человечества и стал площадкой для коллективного представительства Центральной Азии на мировой арене. В 2010-е годы особое значение приобрёл «Шёлковый путь» как бренд региональной идентичности: государства стали продвигать исторические города, эпосы и традиции в рамках туристических и выставочных проектов. После 2016 года культурная дипломатия получила новое измерение — цифровое и многоакторное: активно подключились диаспоры, университеты, международные культурные центры (Британский Совет, Гёте-институт, Институт Юнуса Эмре), а пандемия COVID-19 закрепила онлайн-форматы культурного обмена¹⁴.

¹⁴ Yalinkiliçli, E. Uzbekistan as a Gateway for Turkey's Return to Central Asia. *Insight Turkey*, 20, 27–43. 2018.

Основные проблемы региональной культурной дипломатии связаны с конкуренцией за историческое наследие (например, за фигуры Навои, Бабур или Манаса), различиями в языковой политике (латиница/кириллица), нерешёнными вопросами границ и водных ресурсов, а также сильным присутствием внешних акторов — России, Китая, Турции и Ирана, продвигающих свои культурные модели и интересы. Эти факторы ограничивают возможности для единой культурной политики, усиливают фрагментацию и создают поле конкурирующих нарративов.

Вместе с тем сохраняется значительный потенциал. Центральная Азия обладает уникальным историческим и культурным наследием, которое может быть использовано как объединяющий ресурс. Символы вроде Навруза, эпоса «Манас», образа Самарканда и Бухары, наследие Сомонидов или древних городов Туркменистана способны формировать общую региональную идентичность. Международные институты (ЮНЕСКО, ШОС, ТЮРКСОЙ, Организация тюркских государств) предоставляют площадки для координации. Новые цифровые технологии позволяют транслировать культуру за пределы региона, вовлекая широкую аудиторию.

Исходя из этого, в качестве рекомендаций можно выделить три приоритетных направления.

Во-первых, создание регионального совета по культурной дипломатии Центральной Азии, который объединит усилия всех пяти республик в выработке совместных стратегий.

Во-вторых, формирование единой цифровой платформы Центральной Азии, где будут представлены культурное наследие, образовательные проекты и фестивали, доступные глобальной аудитории.

В-третьих, особое внимание следует уделить молодёжи: развивать межгосударственные программы обмена, поддерживать молодёжные инициативы и вовлекать новые поколения в продвижение культурной идентичности региона.

Эти шаги позволят превратить культурную дипломатию из набора отдельных национальных проектов в настоящий инструмент региональной интеграции и укрепления глобального имиджа Центральной Азии.

References:

Используемая литература:

Foydalanilgan adabiyotlar:

1. Marat, E. Nation Branding in Central Asia: A New Campaign to Present Ideas about the State and the Nation. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1123–1136. 2009.
2. Chang, X., & Bo, Y. The strategy of the state cultural policy in Kazakhstan: evolution, implementation, and efficiency. *Voprosy Istorii*, 2023. <https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202312statyi51>
3. Fierman, W. Identity, Symbolism, and the Politics of Language in Central Asia. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1207–1228. 2009.
4. Edgina, G., Djumabekov, D., Zueva, L., Dosova, B., & Kozina, V. Language Policy in Kazakhstan in the Context of World Practice. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*, 17. 2023. <https://doi.org/10.2478/jnmlp-2023-0004>
5. Karasik, S. Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law

and Diplomacy. Vermont Journal of Environmental Law, 18, 400–432. 2017.

6. Niemiec, J. M. Preserving Common Ties: Turkey's Public Diplomacy in Central Asia. Annales UMCS, Vol. 9, 241–262. 2024.

7. Papaioannou, K. Cultural diplomacy in international relations. IJASOS, 3, 942–944. 2017. <https://doi.org/10.18769/IJASOS.367306>

8. Yunus Emre Institute. The Role of Yunus Emre Institutes in the Educational and Cultural Diplomacy of Turkey. Turkish Online Journal of Educational Technology, 23(3), 140–150. 2024.

9. UNESCO. Silk Roads World Heritage Serial and Transnational Nomination in Central Asia. <https://whc.unesco.org/en/activities/870>

10. Olcott, M. B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington D.C.: Carnegie Endowment, 2002. p. 37.

11. Melich, J., & Adibayeva, A. Nation-Building and Cultural Policy in Kazakhstan. 2014.

12. Fierman, W. A Comparative Examination of Language Ecology and Language Policy in Post-Soviet Central Asia. Al-Farabi, 2021.

13. Izteleuova, E. Foreign Policy of Uzbekistan and Kazakhstan: Main Directions and Achievements. Journal of International Relations and Regional Studies, 2023.

14. Yalinkiliçli, E. Uzbekistan as a Gateway for Turkey's Return to Central Asia. Insight Turkey, 20, 27–43. 2018.